

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕВЯНИНОЙ АННЫ СЕРГЕЕВНЫ

В середине 20-х годов я вышла замуж за Девянина Сергея Семеновича. Его семья и семья моих родителей проживали в одном селе Рогозиха, Павловского р-на Алтайского края. Мы, Ковылины, считались середняками, а семья Девянина Семена Ивановича, где жил мой будущий муж Сергей считалась богатой. Так я попала, т.е. меня выдали в богатую семью. Крестьянского труда было много. Очень поздно ложились спать и очень рано вставали. Людей в семье Девяниных было много и все работали с утра до вечера. Тут и квашенку стестом поставить, хлеб испечь, мытье, стирка, работа в поле, хлеб растить, корова, лошади, да свекор еще пчел держал, пасеку. Вобщем, всем хватало. Свекор с мужем еще скотом приторговывали. Соберется группа мужиков, к казахам уедут, там купят овец или еще какую скотину, пригонят в Барнаул, сдадут гуртом на мясо и барыш какой-никакой имеют. Еще солью одно время торговали, лавка торговая тоже была, не магазин, конечно, что-то вроде ларька, но не долго. Еще займика была, километров 20- от Рогозихи, там тоже приходилось работать, и хлеб растить и скотину держать, а мужиков-то в семье всего двое: свекор Семен Иванович /я его папашей звала, принято так было/ и муж мой Сергей. Так вот на страдную пору, пахота, посев, сенокос или уборка зерна, нанимали временных работников, платили им, сельсовет и деревенские активисты за этим строго следили, не дай Бог обидишь! В деревне многие так нанимали. Нет, постоянных батраков не было, так, мальчонку какого например, когда пашет, сам за плугом ходит, а мальчонка за узду коня впереди ведет, в борозду направляет. Да и как обижать, грех ведь. Папашка медом все село обеспечивал, даром давал, кто попросит, редко когда продаст, говорил, что это не он работает, а пчелы, и как можно продавать не свой труд. Вобщем, так давал. Его в округе, как пчеловода, знали, ценили и шли к нему, он никогда мед не разбавлял, не халтурил и в голову такое не приходило. Любил он пчел, и они его тоже. Сергей тоже с ним этим делом занимался, другим членам семьи, особенно, когда мед качать, всем делов хватало, я там у них тоже пчеловодству немного обучилась. Мед от пчелок Семена Ивановича рогозинские старожилы еще в начале 1980 годов помнили, а когда умирал в 1946 году, то псалмы все пел, сам себя отпевал и наказ перед смертью сделал. А наказ такой, положить ему в гроб стружечку и 2-х пчелок, а зимой это было, так вот свекровь в омшанник лазила в улей, а последнюю его просьбу исполнила. Так и закрыли крышкой его со стружечкой и двумя пчелками. А псалмы? Петь у нас в семье любили, у всех голоса хорошие, а у папашки особенно. Много песен знал, и

петь любил. В хоре церковном пел, особенно псалмы все знал, бывало работает ли, отдыхает ли - поет, и чаще всего псалмы, верующий был.

Отдыхали когда? Зимой работы меньше, или по праздникам церковным, а вообще говорили: "Бог за труд простит!" Да, в начале 20-х годов, свекор в Китай ездил, хотел там остаться и семью забрать на жительство. Место подходящее нашел, но золовки мои, дочери Семена Ивановича, как узнали, что там нет русских мужиков и замуж за китайцев надо будет выходить, отказались ехать, так и остались в Рогозихе, ни в какой Китай не поехали, а может надо было. Неплохо жили, хозяйство развивалось. Любовь? Трудились много, сын у нас родился, Колей назвали. Потом была дочка, но она умерла в младенчестве. Помню как-то ночью Сергей меня за руку взял и в кладовую повел, и мы там мед втихоря ели, Сергей угощал, а свекор просто так не разрешал мед трогать почему-то, ели тайком от свекора. В конце 20-х годов налогами и разверстками стали давить, задания непосильные по сдаче сельхозналога пошли. Специально делали так, кто получше, побогаче жил, тех гнобить стали, разорять. Мы все старались и вовремя сдать, но только сдадим, нам новую разверстку принесут, больше прежней. Тяжко стало. Осенью 1929 года довели страшный налог нам сдать, а хозяином главным в семье был свекор. Сдали все кое-как, а без семян остались, а тут опять разверстку-кратку принесли, еще больше первой, а сдавать уже нечего. Семена Ивановича предупредили, что если не сдаст, то в тюрьму пойдет. Он все оставшееся хозяйство на сына своего, моего мужа Сергея переписал, а до этого, когда мы хотели отделиться и жить с Сергеем самостоятельно своей семьей и хозяйством, он не разрешал. Вот вроде бы он уже старый, ему около 60 лет было, поздно ему в тюрьму-то садиться, а посадят хозяина, кто не сдал этот налог, вот Сергей-то и молодой, ему 25 лет было и хозяйство на него переписано. Так что не удалось Сергею побывать в роли хозяина, посадили его по 61 статье в Барнаульскую тюрьму, дали год за неуплату сельхозналога... Папашка уехал тут вскоре в Нарым, место для жительства подыскивать, так как раскулачивать стали и высылать крестьян в Нарым. Он считал, что все равно теперь раскулачат и вышлют, там уж лучше самим, но вольными, в те края уехать жить. Где-то на реке Кетв подходящее место было им подысконо, но не успели уехать. В мае 1930 года, пока муж в тюрьме сидел, а свекор по Нарымам ездил, отобрали у нас все, раскулачили, из дома выгнали, все, даже юбки и рубахи бабы наши ночные отобрали. Кто раскулачивал? Да, голытьба, лодыри, активисты, языком только могли молоть, да и то с трудом, пьянь деревенская. Бывало мы утром в 4 утра уже в ближние поля на работу на телегах едем, до полуденной жары навкальваемся, в час дня

в Рогозиху на обед возвращаемся и жару переждать, а эти босьяки только еще проснулись, полусонные на завалинке сидят, семечки плюют, да на балалайке песни играют, а жара спадет, мы опять в поле едем, а они уже пьяные. Вот эти "кто был ничем-тот стал всем" и раскулачивали. Днем поотобрали у нас все, вечером перепились, а ночью передрались. Юбки наши бабьи, дерюжки и половики не поделили, по себе расхватывали. Дом наш новый пятистенок разобрали потом, перевезли на другой конец села, школа там была устроена, пчел пораскватали и тоже загубили, лошадей, коров куда дели-не знаю, а нам оставили лошадь с телегой, да разрешили кое-какие шmutки в нее положить. Собрали таких же раскулаченных и в Барнаул отправили, там собирали кулаков-дураков, кто кроме работы ничего не знал, вот и дураки-доработались. Потом в поезд погрузили, лошадей отдельно, все под охраной милиции и красноармейцев и в Томск повезли. Лошадей не кормили, нас тем более, вот и плач стоял безостановочно. Лошади от голода хвосты и н гривы друг у друга пообгладали и дерево в вагонах, это мы, когда в Томске разгружали, увидели. Люди уже в вагонах умирать стали от голода, дизентерии и рожь горя. Нам трудно было, мужиков же наших снами не было, а я беременная еще, на сносях. Вот так и загнали нас в Нарым, а я 30 мая 1930 года в Суготской бане сына родила на этапе, спасибо люди добрые пустили. Теплой водичкой обмыла, юбками обтерла, в юбку вместо пеленки завернула и дальше, горе мыкать. В Нарыме / эти места болотные мы все проклятым Нарымом называли/, свекор нас встретил, нашел нас, легче стало, а после трудпоселения в Чаинском районе и Сергей к нам приехал, как из тюрьмы выпустили. И все под охраной, как преступников каких. Шишаки оденут, ружьями в нас тычут. ПУ! ПУ! "Кулаки проклятые!" А почему "проклятые?" Продыха от работы потому что не знали? И стали мы "жить" на новом месте поз комендатурой. Сергея я мало видела, его с места на место перекидывали, он с нами и жил-то мало. "Домой" как в гости приезжал, вечером приедет, а утром или уйдет пешком, или уедет на коне. Он у меня грамотный для тех времен был.

Высокий, умный, веселый, с людьми умел ладить, вот его и зав. базой поставили. Потом завхозом каким-то, продавцом в магазин, то бригадиром над такими же кулаками-спецпереселенцами и в тайгу отправят лес валить, дома и хоз. постройки для новых ссыльных в тайге и болотах ставить. А бригада и разбежится, он их и не держит. Бежали люди с высылки, хотя за побеги жестоко наказывали, когда ловили. Он начальству комендантскому доложит, вроде как под дурачка сработает, мол ничего не смог с ними сделать, куда делись не знаю. Ему новую бригаду наберут и опять в тайгу. Худо ли, но Сосновку и Романцовку

они построили. Потом, когда раскусили, его с бригадиров строителей сняли. Одно время даже в поселок Среднее Дбро, тоже трудпоселенческий поселок председателем колхоза назначили, а все колхозники из ссыльных кулаков, потом сняли с председателей и колхозником в спец. артель "Север", она в Гришкино была, направили. Тогда вот он с нами маленько пожил с семьей-то. Помню, один раз на ночь на лошади приехал верхий /верхом/, привязал лошадь, а свекор уже здесь пчел развел, так вот они пот конский почували и напали на лошадь Сергея. Мужа так искусали, водой отливали, чуть не умер. А за лошадь опять чуть в тюрьму не угодил.

В редкие совместные часы и любовь была, молодые ведь оба. Сын третий в 1933 году родился, Петей назвали. Так что трое у нас с Сергеем сыновей стало. Николай, он еще до высылки в Rogozихе родился, в добрые времена, Лёня- это тот, что на этапе в деревне Сугот, Петя-этот уже на спецпоселении.

В конце июня 1937г. у нашего старшенького сына Николая ухо разболелось, гноилось, своими средствами вылечить не удалось и решили его свозить к врачу в г. Колпашево, оно от нас по реке в 80-ти км что-ли было, а по дороге-40км. Повёз муж Сергей. В Гришкино он с Николаем на пароход "Смелый" сел. В Колпашево приехали, он врачу Колю показал, тот порошки какие-то выписал, и они пришли на речную пристань, на дебаркадер билеты купить и "Смелый" на обратном пути в Гришкино ждать. "Смелый"- это грузопассажирский колёсный пароход. Он тогда по реке Чае и р.Обь ходил. Людей возил, пассажиров. Деньги у Сергея были, а Коле шел одиннадцатый год. Сергей за билетами собрался идти, но тут к нему знакомый милиционер из наших мест подошел, Малов, кажется фамилия у него, из татарской деревни. Карамзинка и сказал: "Пойдем, Сергей Семенович, тут не далеко, с тобой поговорить хотят, ничего страшного, так, пустяки, формальность." Сергей и пошел, мол сейчас вернусь, сыну сказал. Зашли они в здание Нарымского окротдела НКВД и больше дети отца не видели. Арестовали там мужа и посадили. НКВД действительно недалеко от дебаркадера было, метров 150-200. Коля поискал отца, остался без денег, один в чужом городе и далеко от дома. Без билета на "Смелый" не пускали и он пешком из Колпашево в Гришкино по дороге пошел. Дошел же и сообщил нам, что отца, наверное, арестовали. Затем по линии НКВД арестовали много гришкинцев, их баржей увезли, а Сергея арестовали одного из первых. Может, если тогда бы в Колпашево не повхал бы, то и не взяли, а может ему надо было отпроситься у коменданта и жилье подыскать себе в Колпашево, переехать туда и нас потом перетащить. Мысли у него такие были, с Николаем, когда его взяли вроде тоже жилье подыскивал. Может и не арестовали бы. Я ездила в Колпашево, просила свидания с мужем. Взяли ведь его налегке,

теплой одежды у него не было, и слухи дошли, что он с арестованным жителем Гришкино Сквородниковым Иваном его тряпьем на пару укрывается. Во второй половине июля, точно не помню число, мне свидание разрешили с Сергеем. Я на пароходе "Смелом" приехала к нему в Колпашево. Свидание состоялось в здании НКВД, длилось минут 5. Когда его ввели, меня поразило, он был худой, черный весь, очень угрюмый, глаза у мужа были необычные, бешеные глаза. Сидели на табуретках друг против друга. При свидании присутствовал работник НКВД, он же привел и увел Сергея. Я плакала, не могла говорить, не помню, что и говорила. Сергей спросил, как доехал Николай до дома, попросили привезти теплу шубу. /полушубок нагольный./ сапоги. Сказал что на допросы его вызывают часто, что не подписывает то, в чем его обвиняют. Сказал передать привет Богданову и Нартову /это крестьяне с Гришкино, один председатель сельхартеля "Север" А/, что они тоже здесь будут скоро. Милиционер или работник НКВД, который присутствовал при свидании вмешался и оборвал: "Девянин, об этом говорить не положено". Потом молчал, вроде и говорить мне о чем. Вот и все, что сказал муж, потом его увели. Больше я его никогда не видела, и ничего не слышала о нем.

Меня обидело, что он не спросил о детях, не поинтересовался как мы живем. Почему он так сделал? Меня всю жизнь эта обида беспокоит. Вроде бы ему ничего не надо было. Хоть бы наказ дал какой, как мне и детям дальше жить. Отвечал как-то односложно: "ДА! НЕТ!" Вроде бы даже как будто хотел, чтобы свидание быстрее кончилось. Проплакала я всю обратную дорогу, да и потом еще сколько ревела, пока с годами сезы не выплакала. Чую, сердце подсказывает, что били его сильно, вот такой и был, а про Богданова В.К. и Нартова А.А., что их вспомнил, говорить что ли больше не о чем, так, наверное хотел показать, что это они на Сергея донесли и из-за них он арестован и муки терпит /видимо упомянув про этих двух людей, Девянин С.С. хотел через жену предупредить их о приближающемся аресте, т.к. они так же были арестованы несколько позже и тоже расстреляны в 1937 году. См. "Большая людская" т. I, 2. Вероятно Девянина А.С. в своих предположениях была не права. А/ Да, еще один наш родственник, двоюродный брат Сергея по матери Ирины Николаевны, Максим Лысиков несколько раз напившись, говорил мне: "Через меня брат погиб, я это виноват". А что имел ввиду Максим - не знаю, трезвый не говорил на эту тему. Это в конце 30-х годов

Да, я собрала продукты, одежду, что Сергей наказывал и отвезла в Колпашево. В НКВД эту посылку приняли и сказали, что передадут Девянину, но свидание не разрешили. Я всю жизнь ждала возвращения мужа, считала, что отсидит наказание и вернется к нам. Замуж не выходила, и

была верна ему, хотя Бог красотой не обидел, и несмотря что у меня трое детей от Сергея осталось, некоторые сватались, я отказала. Так одна и поднимала их, ведь свекор с семьей ушел от нас в другой дом, а меня с детьми оставил в полуземлянке, вскоре после ареста Сергея. Родственники по мужу мало помогали нам, самим пришлось выживать. Старший мой Николай в 17 лет ушел на фронт, честно отвоевал, с 19 лет инвалид войны. Леня стал учителем, директором школы в Гришкино, Петя тоже учителем стал, в школе долго работал, затем лесником. Что только пришлось пережить нам, ведь мы "семья врага народа" Соответственно и отношение ко мне и моим детям, а свекор со свекровью и дочерьми своими и их мужьями вроде как и к нам отношения не имел, они не семья "врага народа" Мы писали и в прокуратуру и в трибунал, и в суд. Хотели узнать о муже и отце, судьбу его, но только в 1946 году сына Алексея вызвал работник МГБ и не давая в руки, зачитал бумажку, что Девянин С.С. осужден на 10 лет ИТЛ без права переписки и находится в отдаленных лагерях. Сказал расписаться, в том, что ему сообщен ответ на его запрос. После 1947 года, когда истекли 10 лет, и он должен был прийти, но не пришел, поиски продолжили, но отвечали на наши запросы, что "сведениями не располагаем", "такой не значится" и т.д. Мы делали запросы и боялись, что нас тоже арестуют и упекут как Сергея, но делали. Я ждала мужа по-прежнему. Потом как-то сообщили, что он умер в лагере / не сказали в каком "от кровоизлияния в мозг" / В 1956 году Томский областной Суд реабилитировал Сергея посмертно за недоказанностью состава преступления, но я не особенно верила, что он мертв. Мертвым его не видела, где могилка - мне не говорили а сообщали все по-разному, правда на основе справки о реабилитации, мне за него, как бывшего колхозника, выплатило государство что-то около 12 рублей. Вот так, за жизнь человека и мучения его семьи - компенсация в 12 рублей. Потом сообщили в устной форме из КГБ, что умер он в 1944 году в Амурском лагере от двусторонней пневмонии. Я ждала Сергея, но уже слабая надежда, еще и в конце 70-х годов, думала, что да, врут поди, а потом уж столько лет с 1937 года, с нашей последней встречи прошло, всяко объявился бы, если жив был. Нет его в живых. В Колпашево или Томске и убили его наверное. Недавно сообщили, что расстрелян мой Сергей в 1937 году в Колпашево и ни в каких лагерях не был. Вот помру скоро и встречу с ним ТАМ.

Со слов Девянина С.С. он работал и жил в Девянинском
С.А. 1935, 1937, 1938 гг.

Что касается свекора Семена Ивановича? Он и в Гришкино на спецпоселении долго не хотел в колхоз вступать. Году в 1936 только вступил, до этого отлынивал под всякими предлогами, хотя тех кто не вступал в эти колхозы-спец. артели, их дальше еще в более гиблые места на реку Иксу под конвоем на лесоповал гнали. Высланные рассказывали, что на зимнем этапе в Нарым часть пешком вели, часть на санях, запряженных лошадьми. У одного мужика жена недавно родила, у нее от голода и переживаний молоко пропало. Младенец кричит голодный, холодный. Жена ревмя ревет, а сделать ничего не могут, вот отец и взял его за ножки, размахнулся и головой об березину, чтобы, значит сам не мучился и родителям сердце не рвал. Это свекор рассказывал, когда с работы однажды пришел, он летом перевозчиком на паромах через реку Чаю и реку Тою устраивался работать. Несколько лет перевозчиком работал, вот когда перевозил людей проезжих, то и услышал такое. Мы этому поверили, ведь сами хлебнули мурцовки. Бывало паром через реку гонит, всегда поет, а по реке далеко слышно, так до смерти своей все и пел песни крестьянские и старинные, а еще псалмы церковные.

Вот, был такой случай. Лошадь наша, когда еще на Алтае жили кличку имела Вольный, вот ее и разрешили нам на высылку взять, так мы ее с подачи свекора на спецпоселении переименовали в Невольника. Свекор на новом месте тоже пчел развел, сдружился с местными вольными пчеловодами. У Шикшиных пчел брал и с бывшим Rogozинским священником тоже высланным в Тоинскую комендатуру Овчинниковым дружбу продолжал водить, в гости к друг-другу заезжали. У них дружба была еще с Алтая, бывало встретятся, мужики же, выпьют, но даже выпивши никогда матом не ругался. Да, вот *она*-вольник, папашка на перевозе работал, а коня уже на высылке в колхоз забрали, так вот однажды в конце лета зерно с колхозных полей в мешках возили, перевозит он и вдруг видит, что лошадь его Вольный-Невольник на паром зашла с возницей. Папашка к другому берегу паром пригнал, возница дремал на мешках, папашка и ударил лошадь, никогда не бил до этого, конь его тоже узнал, терся мордой и всхрапывал, а между паромом и берегом еще прогал воды в несколько метров и глубоко. Лошадь от неожиданности дернула, ведь она от него только ласку видела, и в этот прогал с телегой мешками и возницей. Возница выплыл, а Невольник погиб. Ну, да списали на несчастный случай, на паутов, от укуса которых якобы конь и понес, а это папашка специально. Он потом плакал и напился, а стерпеть не мог, что его лошадь в колхозе. Еще свекор рыбу ловил, много, получалось у него. Семью свою кормил и продавал людям. Хороший рыбак был, удачный. Нам иногда приносил, а рыбы весной привозил по полному обласку с рыбалки, особенно язей.

Томская участковая комендатура находилась в п. Гришкино. Жили коменданты, которые подчинялись Тоинской райкомендатуре в с. Подгорном. Последний участковый комендант Липатов, до него Торопкин. Он был до упразднения комендатур. Комендатуры упразднили после Хрущева. Вынуждены были сами трудоустраиваться. Кто-то убежал, кто-то застрелился. Застрелился Мильшин - райкомендант, поехал в с. Гореловку и застрелился. Спецы отличали работника комендатуры от милиционера. Первых боялись. Иногда был поселковый комендант и его помощник. Помню комендантов: Федоров был комендантом лет 5, где-то до 1944 года, с 1948 до 1950 год был Швецов Федор Иванович. Фронтовики откреплений не брали, брали семьи и уезжали. Кому-то высылали, кому-то нет. Было и так, возвращаясь с фронта где-то остановился, обустроился, а затем приезжал, забирал семью. Фронтовики комендантов не боялись. Митя Данилин, фронтовик, инвалид-безногий, недовольный председателем Кожуховым огрел его костылем, комендант стал утешать Митю. Меня открепили в 1947-1949 гг., а Сергей работал в 1936-1937 годах председателем колхоза "Новая жизнь"

Еще список комендантов, кого помню.

Асмаков	50-е годы Нач. КГБ по Чаинскому р-ну.
Китинев	40-е годы. Работал в Подгоринской райкомендатуре
Алексеев	40-е годы. Работал в Подгоринской райкомендатуре.
Швецов	48-50 гг. Поселковый комендант Тоинской райкомендатуре.
Актаков	1936 год. Зам. участкового коменданта Тоинской участковой комендатуры.
Фафурин	1937 год, ст. лейтенант, начальник Чаинского РО НКВД.
Шутов	1936 год, ст. милиционер Гришкинской поселковой комендатуры.
Ястребов	1937 год, мл. лейтенант оперуполномоченный 4 отд. УГБ УНКВД ЗСК, ранее уполномоченный Чаинского РО НКВД, сержант. Выписывал постановления об избрании меры пресечения.
Юрков	1935-1937 гг. Комендант Тоинской участковой комендатуры с. Гришкино.

Райкомендант Томской комендатуры Красношапка.

Поселковый комендант п.Гришкино Плотников.

В забираии мужиков в 1937 году активное участие принимал Малов . Это поселки Тоинка, Гришкино и др. В 30-е годы спецпереселенцев высаживали на голую землю. Сначала делали и жили в Балаганах, затем в землянках, затем делали крестьянские хаты, а это небольшой сруб, покрытый сверху землей-дерном. Такими были спецпереселенческие поселки, например, Макарьевка, Майга и др.

А в 30-40 годы жители п.Гришкино относили к доносчикам Зайцева Андрея и Зверева Василия. Еще в качестве доносчиков называли Лысикова Максима Степановича, Петина Алексея Семеновича, Мирошникова Геннадия Михайловича /последние двое, якобы давали показания на Алябьева Николая Абрамовича/. На Алтае до высылки, в хозяйстве были пчелы, самовязка, конные косилки и грабли.

От Томска до Сугота этап спецов везли на лошадях, т.е. шмутье, дети на лошадях, взрослые пешком. В СУГОТЕ поместили на квартире у Беркутовых. Муж Сергей Семенович отсидев в тюрьме, приехал в Сугот к семье, а его направили валить лес и строить п.Романцовку. Из Сугота пригнали в п.Тоинку, поместили нашу семью в один дом с Пичугиньими и еще одной семьей. Потом построили домишко в п.Гришкино, получили земли и сеяли хлеб, садили огород, корчевали земли. Вначале комендатура давала муку, растительное масло, в колхоз старались не вступать, жили единолично, но в 32-33 годах принудили вступить. Спецов больше всего возили в баржах.

В войну были следующие налоги: 13 кг масла, 46 кг мяса, кожи, овчины, картофель. Это у спецов, а вольные - меньше.

Со слов Девяниной А.С. обработал и записал Девянин С.А.
1980, 1985, 1990, 1998 гг.

В 1995 году Девяниной Анны Сергеевны не стало.

Примечание: Девянин С.С. 1904-1937гг.

Девянина /Ковылина/ А.С. 1907-1995 гг.

пос. Гришкино
Чаинского района
Томской области.

с. Павловск
Алтайского края.